

О России с любовью

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ
ДРУЖИНЫ

РОМАН

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Ольга, княгиня русской дружины : роман / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 544 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-87513-9

Всем известна история о том, как князь Игорь, отправившись в Древлянскую землю, сложил свою голову и как жестоко отомстила врагам жена его, княгиня Ольга. Однако мало кто знает, что же произошло на самом деле. Замешаны в этой истории и ревность, и благородство, и низкое предательство... А началась она, конечно, с любви — в тот момент, когда на переправе у Свибель-городца появился незнакомый всадник, похожий на сияющего солнечного бога...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87513-9 © Дворецкая Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть первая

*Древлянская земля,
18-й год после войны с Русью*

Когда мы с Соколиной впервые увидели Хакона, сына Ульва, то поначалу подумали, будто нашим смертным очам явился кто-то из богов — Дажьбог или Ярило.

— А может, это Локи? — Соколина засмеялась. — Вон, как жар горит, того гляди лес подожжет!

Она была недалеко от истины: позже мы узнали, что младший из сыновей Ульва волховецкого носит прозвище Логи-Хакон — или Пламень-Хакон, как звали его в дружине. Не то подсмеиваясь, не то восхищаясь, а скорее то и другое вместе.

Стоял яркий солнечный день, блики играли на воде Ужа, будто река оделась в золотую кольчугу. Мы гуляли на опушке рощи, Соколина учила Добрыню стрелять, а Малка собирала цветы и приносила мне, так что у меня на коленях уже скопилась целая охапка. Она, конечно, тоже было захотела стрелять, но ей быстро наскучило — ведь ей тогда было всего четыре года. Земляника уже сошла, а искать грибы было еще рано. Мои челядинки дремали в теньке под кустами, Соколина и Добрыня занимались своим делом, поэтому я первая увидела всадника на другом, низком берегу.

Он выплыл из зелени леса, будто солнце из тучи, — верхом на рыжем, как огонь, коне, и такие же ярко-рыжие волосы длинными волнистыми прядями спускались по его плечам до самого пояса. На нем была рубаха из алого шелка, темно-красный плащ, затканый золотисто-желты-

ми узорами в виде кругов. На груди, на руках, на поясе, на рукояти его рейнского меча сверкали серебро и золото. Такое увидишь не во всяком месте и не каждый день, к тому же он возник так внезапно, будто и впрямь с неба свалился. Неудивительно, что те двое едва не выронили луки, а я встала с травы, не веря глазам. Красный Всадник пылал среди летней зелени, словно факел. Увидеть здесь такую роскошь было так же дивно, как на земляничном стебле среди ягод обнаружить золотой ромейский перстень с самоцветом. И в то же время эта пламенная ярость среди листвы и травы не резала глаз, а скорее радовала.

В голове у меня замелькали все сказки и сказания, которых я наслушалась в детстве и сама теперь пересказывала своим чадам. Рыжий конь неспешно шел по каменистому берегу. Когда я вспоминаю те мгновения, мне кажется, что мы очень долго тогда смотрели на красного всадника, будто околдованные. Это зрелище внушало ужас и восторг. Мы словно почувствовали, что этот солнечный бог внесет в нашу жизнь губительный огонь, который сожжет ее дотла, оставив одни головешки...

Хотя откуда нам было знать? Воевода Свенгельд рассказывал, что моя бабка, королева Сванхейд, хорошо умеет раскидывать руны. Я часто жалела, что меня некому было научить: даже свою мать, княгиню Мальфрид, я едва помню, а волховецкую бабку и вовсе никогда не видела. Моя мать уехала из Киева, когда мне было всего девять лет, а через год умерла в чужой стране. Поэтому, когда еще шесть лет спустя у меня родилась дочь, я уже могла дать ей имя Мальфрид. Муж и его стрый Маломир не возражали: правда, среди древлян никто не мог этого имени выговорить, поэтому мою дочь они звали то Малка, то Малуша, однако оно указывало на родство со столь многими знатными и влиятельными родами, что этим никак нельзя

было пренебречь. К тому же это перекликалось с именем ее двоюродного деда — Маломира, который получил его в наследство от своих болгарских предков по женской ветви.

— Кто бы это мог быть? — Соколина повернулась ко мне, и по ее глазам цвета недоспелого желудя было видно, что она тоже силится стряхнуть наваждение и начать рассуждать здраво. — Если это не Дажьбог к нам спустился водички попить... Твои ждут кого-нибудь такого?

— Нет. Я о таких гостях не слышала.

Такой человек — если это все-таки человек — мог направиться лишь к моему мужу, князю Володиславу, или к отцу Соколины — воеводе Свенгельду. Но если бы они его ждали, мы бы знали об этом: ведь я уже год как вела наше хозяйство после смерти свекрови, а Соколина лет пять была полной хозяйкой в доме своего отца.

— А вот мы сейчас узнаем! — вполголоса воскликнула она.

И прежде чем я успела ее остановить, вскинула лук и наложила стрелу...

* * *

Когда в землю в двух шагах перед мордой коня вонзилась стрела, Логи-Хакон сделал именно то, что от него требовали: остановился. Вскинул голову, обвел быстрым взглядом берег и зелень вокруг, отыскивая стрелка. Если бы его хотели убить, то стреляли бы не в землю, поэтому оснований для испуга он не видел, но в то же время понимал, что находится на чужой, не вполне дружеской земле, поэтому ничего удивительного, если его так встречают.

Как раз в этот миг из-под ветвей за его спиной показались хирдманы; увидев стрелу почти одновременно с вождем, телохранители выбежали вперед и встали, прикрыв его щитами со всех сторон, с топорами наготове. Они то-

же понимали, что убить вождя тут никто не пытается, поэтому Логи-Хакон продолжал сидеть верхом. Уперев руку в бедро, он свысока озирали окрестности с присущим ему повелительным видом.

Когда королева Сванхейд родила седьмого сына, Ульв волховецкий скрепя сердце дал ему имя Хакон. Он уже дважды нарекал им новорожденных сыновей, но оба умерли, не прожив и месяца. Однако это было родовое имя: его носили и отец Ульва, и его дальний родич Хакон Богатый Родней, ярл Альдейгьи и муж самой старшей дочери Ульва Ульвхильд. В каждом поколении должен быть кто-то по имени Хакон.

И удача третьего по счету Хакона сына Ульва оказалась крепче, чем у первых двоих. Он прожил и месяц, и год; Ульв конунг сам успел вручить ему меч, и в год смерти отца Хакону исполнилось уже четырнадцать. В семье он выделялся. Все его родичи-мужчины были невысоки ростом, коренасты и рыжеволосы. Мать и сестры — росли и светловолосы. И только над Хаконом богиня Фригг решила подшутить и смешала обе породы: он получился рослым и рожим, как огонь, и по этим двум причинам в любом собрании бросался в глаза. Возможно, поэтому — а также потому, что рос младшим из троих братьев, которому едва ли достанется отцовское наследство, — он усвоил вид горделивой надменности и внутренне всегда держался за рукоять своего рейнского меча, в которую были вбиты чередующиеся полоски золотой и серебряной проволоки.

Вот и сейчас он оглядывался с таким видом, будто собрался все здесь завоевать и готовился объявить об этом. Однако объявлять было некому — стрелок не показывался. Кто же он? Какой-то дозорный, который выстрелил с испугу, а теперь уже мчит со всех ног к основной части дружины? Тогда почему не слышно рога?

— Эй! — быстро соскучившись, крикнул Логи-Хакон. — Кто стрелял? Вот он я, стою и жду тебя — долго мне еще ждать? Покажись, не бойся.

И тогда..

* * *

Едва Соколина успела пустить стрелу, как я поняла: зря она это сделала. Огненный всадник был не один. В тот самый миг, как стрела вонзилась в землю, а он натянул поводья и вскинул голову, оглядываясь, за его спиной из-за деревьев показались люди. Самые обычные «отроки оружные». Если не считать мечей и топоров у поясов, в них не было ничего воинственного, но неужели я не узнаю людей из дружины знатного вождя — я ведь выросла на одном дворе с такими же, да и сейчас видела их каждый день. Четверо несли за плечами щиты и уже перекинули их на левую руку — ясно, телохранители. В них-то не было ничего чудесного, и их вид помог мне опомниться.

— Что ты натворила! — Одной рукой прижимая к себе Малку, другой я потянула Соколину за рукав назад; при этом отчаянно жалела, что у меня нет третьей руки, дабы поймать Добрыню, и еще двух голов, чтобы успевать следить за всеми сразу. — У него тут дружина! Бежим отсюда!

— Да ну тебя, больно ты робкая! — Соколина решительно оторвала мои пальцы от своего рукава. — Подумаешь, дружина! У нас тоже тут дружина!

Однако чужая дружина была в двух шагах, а наша — в Коростене и Свинель-городце. А мне до них еще бежать и бежать..

Мы спрятались на опушке за деревьями, и пока, тем более что наш берег был выше, чужаки нас не видели. Тем не менее двое из четырех телохранителей пристально всматривались именно в нашу сторону: они же поняли,

откуда прилетела стрела. А еще пятеро у них за спинами живо изготовились к стрельбе, и теперь прямо на нас было направлено пяток боевых наконечников.

Вот тут я так испугалась, что в груди похолодело. Малышу я крепко прижимала к себе, но Добрыня был впереди меня шагах в трех. Он же мальчик, ему всего пять лет, вот сейчас дернется — и получит... Одна была надежда: они будут целить туда, где находится грудь взрослого человека, и стрелы пройдут над его головой.

— Добрыня! — жутким шепотом позвала я. — Не шевелись!

Хорошо еще, я сообразила приказать ему именно это, потому что первым побуждением было сказать «Иди сюда».

Ну а Соколину я, конечно, проморгала. Она была моложе меня всего-то года на три и сама могла бы уже иметь парочку детей, если бы отец выдал ее замуж вовремя; тем не менее я не могла отделаться от привычки опекать и направлять ее, будто младшую сестру. Я выросла в семье брата Соколины, где не родные по крови женщины и старшие девушки опекали меня; выйдя замуж, я очутилась возле Соколины, которая как раз перед этим лишилась матери. Но когда я приехала в Коростень, у меня сразу же, подряд, родилось двое детей, потом еще один (я всего три месяца как сняла «печаль» по нему). И со всем этим у меня было столько хлопот, что Соколина большую часть времени оказывалась предоставлена сама себе и тому воспитанию, какое ей мог дать старый воевода и его дружина.

К счастью, она выросла отважной, но не сказать, что-бы совсем безрассудной. Поэтому сейчас она сделала Добрыне страшное лицо и знаком велела залечь: он пал на-земь и исчез в траве, будто ящерка. Они столько раз с ним играли «в войну», где воеводой на правах старшинства была Соколина, что сейчас он повиновался с готовностью

и ловкостью, которые восхитили мое материнское сердце. Наверное, в тот миг я впервые осознала, что не зря Соколина столько раз возвращала мне мое дитя, перемазанное от пяток до ушей и в порванной рубахе.

— Мужики, не стреляй! — крикнула она именно таким голосом — уверенным, но миролюбивым, — который успокоил бы отроков, если бы это был мужской голос.

Женский голос, надо думать, удивил их куда сильнее выстрела, но теперь они, по крайней мере, не спустят тетиву на первый шелест просто от неожиданности.

А Соколина отлепилась от березы, за которой пряталась, и небрежно-уверенной походкой направилась через открытый клочок берега вниз по откосу, к обрыву. Теперь они отлично ее видели. И даже издали я разглядела, как переменились их лица. Ну еще бы! Вместо дозорного, а еще скорее десятника, они увидели взрослую девушку с длинной светло-русой косой, одетую в зеленое платье (Свенгельд терпеть не мог плахт, и Соколина свою надевала единственный раз в жизни — когда созрела и я снарядила ее в рощу на Лельник). И с луком в руке, который доказывал, что стреляла именно она!

Даже Красный Всадник переменился в лице и тронул коня; ошеломленные телохранители расступились, и он подъехал к самому обрыву. Теперь их разделяла река, через которую Соколина могла бы перебросить камень.

— Это ты стреляла? — в изумлении спросил он. — Зачем?

По виду всадника было ясно, что он из руси — не из древлян, полян или еще каких близко живущих племен. Но по-словенски он говорил свободно, как на родном языке.

— Хотела понять, не мерещишься ли ты мне, — ответила Соколина. — Кто ты такой? Ты бог или смертный?

— А ты кто такая? — Всадник принял надменный вид. Вероятно, с ним нечасто так дерзко разговаривали. — Ты великанша, которая нанялась к Свенгельду охранять брод?

Его отроки засмеялись, но Соколина лишь горделиво вскинула голову:

— Ты едешь к Свенгельду? Не припомню, чтобы он тебя ждал!

— И тем не менее я еду именно к нему. Здесь где-то должен быть брод. Думаю, это вон там. — Он взглянул вперед по течению реки, куда вела тропа и где действительно находился брод. — Так что, я должен дать тебе шеляг, иначе ты меня застрелишь посреди реки?

Выговор его был точно как у моей матери: он говорил не «что», а скорее «цьто», у меня и самой иногда это проskalзывало. В детстве в Киеве стрый Ингвар, бывало, смеялся надо мной, что я переняла у матери «цоканье», а сам гордился, что давно от него избавился. Вновь услышать северный словенский выговор мне было приятно, хотя тогда я не осознала, что это может означать. Отметила только, что Красный Всадник еще не стар — лет на пять старше меня, пожалуй.

Отроки опять засмеялись. В смехе их явственно слышалось недоумение: они никак не могли понять, что же это за чудо перед ними.

— Так я и сделаю! — откликнулась Соколина. — Оставайся там, где ты сейчас. Я предупрежу воеводу, что к нему едет такой важный гость. И он придет за тобой к броду.

— Здесь есть кто-то еще? — Вероятно, ему казалось глупым вести разговор с девушкой.

— Есть, есть, — успокоила его Соколина. — Мои люди последят, чтобы ты не совался за реку, пока тебя не позовут. Или ты явился сюда завоевать Деревлянь и потому в приглашениях не нуждаешься?

— Если я решу что-нибудь здесь завоевать, то с тебя и начну!

— Пока доберешься... завоевалка промокнет! — крикнула Соколина и метнулась назад, под защиту рощи.

С того берега слышались крики, хохот, топот... К счастью, до брода им еще нужно было доехать, а я уже неслась по тропе во весь дух к Коростеню. Добрыню я тащила за руку и иногда оглядывалась, не застряла ли где Вторушка, несущая Малку. Соколина при желании легко бы нас всех обогнала, но бежала сзади. Будто и правда могла быть нужда отстреливаться.

И меньше всего я тогда способна была вообразить, что бегу, будто от Змея Горыныча, от собственного своего родного дяди. А ведь если бы я не была так напугана, то могла бы разглядеть в руках у знаменосца красный стяг с черным соколом — знак моих волховецких родичей по матери.

* * *

Как ни чудна была эта беседа через реку, обе стороны выполнили уговор: Соколина предупредила отца о гостях, а те дождались у брода, пока за ними придут. И вскоре Логи-Хакон узрел более достойного себя собеседника. На той стороне реки, меж гранитных валунов, где вновь начиналась широкая, хорошо заметная на каменистой земле тропа, появился мужчина средних лет, в угорском кафтане с квадратными узорными застежками на груди и с рейнским мечом на боку, хоть и не столь роскошным, как у гостя. Он был уже отчасти грузен, хотя еще не настолько, чтобы утратить боевые навыки; в длинных русых волосах были заплетены по бокам две косички. Широкое круглое лицо почти целиком пересекал старый шрам: он начинался на правой стороне лба, от линии волос, и шел вниз

к переносице, через внутренний конец брови, спускаясь далее почти до левого края челюсти, где начиналась опрятно подстриженная борода — чуть светлее волос.

Уж этот сразу приметил стяг и прикинул, с кем, скорее всего, имеет дело. За ним шествовал его десяток.

— Я — Сигге по прозвищу Сакс, человек воеводы Свенгельда! — представился круглолицый. — Он послал меня сюда посмотреть, что за люди к нам явились, и проводить, если вы и правда к нему. Я не ошибся — это стяг сыновей Ульва волховецкого?

Никто не сказал бы, что Сигге держится неуважительно, но его небрежно-уверенная повадка сама собой говорила: ты, конечно, знатный вождь, ведущий свой род от Одина, но я таких видел уже сотню — живыми и мертвыми.

— Я — Хакон, сын Ульва и брат киевского князя Ингвара! — Красный Всадник снова упер руку в бедро, с повелительным видом глядя через реку. — И по его желанию я приехал повидаться с воеводой Свенгельдом.

— Воевода Свенгельд всегда рад людям от князя Ингвара, как будто это посланцы его родного сына! — с чуть издевательской сердечностью сказал Сигге. — Переходите реку, я провожу вас.

Лет десять назад, избрав Деревлянь местом постоянного жительства, Свенгельд поставил себе двор на гранитной круче примерно за поприще от Коростеня — дабы постоянно знать, что там происходит. Десять лет он единолично пользовался всей данью с племени древлян: князь Ингвар отдал ему этот доход ради уважения и признания заслуг воеводы, зато был уверен: в этом недружественном краю все будет спокойно. Богатством и силой Свенгельд теперь не уступал и князьям: у него был большой двор — настоящий городец, укрепленный валом с частоколом и «боевым ходом», а дружина его насчитывала семь-восемь десятков

человек. Часть из них жила в дружинных избах и в гриднице, часть — наиболее старая и заслуженная — обзавелась собственными дворами, семьями, хозяйством, челядью, так что среди них уже человек десять-пятнадцать сами могли выставить маленькую дружину. Название «Свенельдов» за годы оболталось у древлян на языках и превратилось в «Свинель-городок», что окрестные жители произносили со сладким ехидством.

Вслед за Сигге Саксом Логи-Хакон проехал по тропе, глянул на виднеющийся невдалеке Коростень на кручах над Ужом. Округа была богата, везде виднелось множество скота: паслись коровы под присмотром челядинов, там старуха гнала куда-то хворостиной пяток белых коз, в пруду плавали гуси. Шел сенокос, на лугах двигались белые рубахи косцов и ворошащих сено женщин в красных плахах и белых платочках. Завидев всадника, яркого, словно солнце, люди отрывались от работы и смотрели на него из-под руки. Логи-Хакон заметил, что Сигге народ кланяется, как нарочитому мужу: видимо, все это были владения Свенгельда. Впрочем, примерно этого он и ожидал по рассказам старшего брата, поэтому не выказывал удивления.

Удивился он лишь, когда вступил наконец в гридницу Свенгельда — и то не показал вида. Здесь ему навстречу вышла та самая девушка, которую он уже видел на реке, только вместо лука на этот раз она держала в руках приветственный рог, окованный серебром.

— Вот это девушке больше подходит! — невольно воскликнул он.

И помотал головой: ему все казалось, что эта красotka — какой-то чудный морок, его преследующий. На реке она в него стреляла, здесь подносит рог в том самом доме, куда он ехал, — что все это значит?